

Все мы знаем крылатое выражение Конфуция “Не дай Бог жить в эпоху перемен!”. Именно оно приходит на память, когда открываешь книгу, посвященную выдающемуся русскому историку Н.И. Карееву. Стремительные события, кардинальная ломка привычной окружающей действительности явно не способствуют размеренной жизни ученого, хотя и дают уникальный исторический опыт. Впрочем, в XX в. в России было столько радикальных исторических поворотов, что шансов воспользоваться предостережением великого мудреца у современников столетия практически не оставалось. Книга, подготовленная Е.А. Долговой, несомненно, позволит намного лучше понять жизнь ученых и развитие науки в “век-волкодав”. Документальная монография включает очерк жизни с 1914 по 1931 г. историка и социолога, автора классических трудов по новой истории Европы, теории и методологии истории, теоретическим вопросам развития общества, а также многочисленных учебников Н.И. Кареева. Основу издания составляет публикация документов указанного периода, а также различные справочные приложения.

Первое, что бросается в глаза при чтении книги, – это колоссальная архивная работа, которую провела автор-составитель Е.А. Долгова. Для поиска источников, связанных с повседневной жизнью Н.И. Кареева и его научной деятельностью, были мобилизованы документы 13 архивов как федеральных, так и региональных: Научно-исследовательского отдела Российской государственной библиотеки, Архива РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального исторического архива Москвы, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Смоленской области и др. Подобный охват – пример крайне редкий и достойный только восхищения. Видовая структура публикуемых источников разнообразна: здесь и дневниковые записи, и воспоминания, и переписка, и деловая документация, и выписки из протоколов собраний, и многое, многое другое.

Благодаря такой кропотливой работе историки науки получили уникальный документальный комплекс, позволяющий в подробностях проследить последние 17 лет жизни Н.И. Кареева. Хронологический период выбран не случайно. Е.А. Долгова обоснованно отказывается от кочующего стереотипа о радикальном разрыве в развитии науки дореволюционного и советского периодов. Эпоху перемен, вовлекшую в свой круговорот героя книги, автор отсчитывает с

начала Первой мировой войны в 1914 г., когда Н.И. Кареев был вынужден пережить короткий, но оттого не менее тяжелый плен в Германии.

Опубликованные документы показывают Н.И. Кареева с разных сторон. Накануне революционной эпохи перед нами предстает не только автор многочисленных монографий и учебников, но деловитый издатель собственных произведений, активный общественный деятель и преподаватель. Впрочем, заметно, как война постепенно ломает привычное течение работы. Революции и Гражданская война поставят совсем другие проблемы. 1920-е годы также были нелегкими. Издавать книги становилось все сложнее, преподавательская практика сократилась. В этих условиях возник вопрос о заработке, тем более что на содержании у Н.И. Кареева находилась вся его большая семья. Отдельного внимания заслуживает настоящая эпопея борьбы семьи Н.И. Кареева за родовое смоленское имя.

В публикуемых документах можно выделить несколько сквозных тем. В первую очередь речь идет о повседневной и преподавательской жизни ученого. Здесь особый интерес представляют записные книжки, которые ученый вел в 1925–1930 гг. Сухие и даже скупые записи, тем не менее, дают представление о контактах Н.И. Кареева, его повседневных занятиях, научной работе, круге чтения и т.д. К сожалению, из них практически невозможно понять, как стареющий ученый воспринимал окружающую реальность. Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, исследователям, видимо, придется привлечь не только дополнительные источники, но и проявить чудеса методологической изобретательности.

Второй проблемой, регулярно всплывающей в потоке документов, являются взаимоотношения ученого с новой, советской властью. Письма в различные органы управления, заявления и прошения демонстрируют всю сложность этих взаимоотношений, их неоднозначность, помогая на персональном уровне проследить адаптацию “старорежимной” интеллигенции к новым условиям.

Переписка дает представление о контактах Н.И. Кареева с коллегами. Складывается впечатление, что близких друзей среди них не было. Бросается в глаза то, что по-настоящему открытыми были только его письма к вдове рано умершего московского историка М.С. Корелина, Надежде Петровне. В них деловитость сменяется доверительными рассказами о текущей жизни, настроениях, ностальгическими воспоминаниями. Остальные письма сдержанны и посвящены в основном практическим вопросам.

Отдельно можно выделить (что и делает Е.А. Долгова) документы, показывающие взаимоотношения Н.И. Кареева с Академией наук. Очевидно, что для петербургской академической среды он оставался не вполне своим, несмотря на избрание членом-корреспондентом в 1917 г. Его регулярно проваливали на выборах в академики, несмотря на поддержку влиятельных С.Ф. Платонова и В.П. Бузескула. Наконец, в 1929 г. ученого избрали почетным академиком. Сам Н.И. Кареев воспринял это, судя по его письмам, без особой радости: он явно рассчитывал на полноценное избрание.

Особой темой являлись отношения с молодыми историками-марксистами. Их также нельзя охарактеризовать однозначно. В письме ученика Н.И. Кареева И.Л. Попова-Ленского от 14 февраля 1929 г. указывается, что Г.С. Фридлянд, специалист по истории Французской революции и типичный представитель нового поколения советских историков, с пиететом отозвался о “русской школе”, представителем которой считался и Н.И. Кареев (с. 185). Но уже в конце следующего года в обществе историков-марксистов прозвучал доклад Н.М. Лукина, в котором ряд трудов Н.И. Кареева был назван “антимарксистским” (с. 193).

Анализ найденных архивных документов позволил Е.А. Долговой по-новому оценить научное творчество Н.И. Кареева после революции. Она обоснованно отказывается от бытовавших представлений об угасании научной активности ученого из-за социальных катаклизмов и идеологического давления (с. 60). Наоборот, документы демонстрируют устойчивость его рабочего графика, во всяком случае в первые годы советской власти. Постепенное снижение исследовательской активности к концу 1920-х годов связывается с естественными причинами: старением и потерей работоспособности.

На примере биографии Н.И. Кареева не прошла проверку фактами и “репрессивная теория”, согласно которой советская власть преследовала представителей дореволюционной интеллектуальной элиты из-за их социального происхождения и политической нелояльности. По мнению Е.А. Долговой, «хотя социально-политические условия в целом определяли особенности и динамику функционирования научного сообщества (в том числе положение ученых “старой школы”), отношения власти и отдельного ученого зачастую были индивидуализированы, обусловлены субъективными факторами и выстраивались в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ – местонахождения ученого в структуре науки, его научной репутацией и потенциала в большей степени и его политической позицией в меньшей» (с. 63). Неоднократно подчеркивается, что социальный статус Н.И. Кареева защищал его и члены его семьи.

Можно только приветствовать отказ от “репрессивной” модели интерпретации взаимоотношений советской власти и интеллектуалов. Но

приведенное выше утверждение, как представляется, слишком прямолинейно. Действительно, большевики, столкнувшись с негативным отношением к себе со стороны научной элиты, все же не могли сразу отказаться от привлечения старых специалистов. Они требовались как преподаватели, исследователи, исполнители. Несомненно и то, что при работе с конкретным ученым учитывался его социальный и научный статус. Тем не менее очевидно, что существовал определенный порог политической нелояльности, после превышения которого ученого не могли спасти никакие научные статусы. Так произошло с пассажирами печально известного “философского парохода”. Н.И. Кареев более или менее успешно “встроился” в новую реальность именно потому, что всегда демонстрировал если не идейную, то социальную лояльность к новым властям. О том, что ученый смирился с советской властью, свидетельствует хотя бы то, что в своих записных книжках он фиксировал советские праздники, а не игнорировал их, продолжая жить по “старому стилю”.

Помимо лояльности ученого (точнее, его безопасности для советской власти) заметную роль играли многочисленные особенности советской системы. Например, нередко определяющую роль в жизни ученого мог сыграть патронаж со стороны видного партийного деятеля. В случае с Н.И. Кареевым это произошло, когда встал вопрос о лишении его семьи имения в Смоленской губернии. Ученый сумел мобилизовать свои старые связи, позволившие выйти на А.С. Енукидзе. Этот эпизод возвращает нас к проблеме “поведенческих стратегий” адаптации к новой реальности, умению использовать ее особенности.

Вероятно и то, что немалую роль в случае с Н.И. Кареевым играл не столько научный и педагогический статус, сколько его дореволюционная репутация левого демократа, интересовавшегося марксизмом. На фоне консервативной и праволиберальной части научного истеблишмента он выглядел в глазах новых властей довольно выигрышно.

Стоит отметить, что опубликованные источники были подвергнуты тщательной археографической обработке, подробно прокомментированы. Биографические сведения даны в расширенном именном указателе.

В заключение хотелось бы подчеркнуть большое значение выхода рецензируемой книги. Очевидно, что опубликованный документальный комплекс и исследования помогут не только полнее представить эпоху перемен через призму жизни выдающегося ученого, но и поставить ряд вопросов о жизни научной корпорации в первые годы советской власти.

В.В. Тихонов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института российской истории РАН,
Центр “Историческая наука России”